

УДК 94(570)
DOI: 10.17223/19988613/62/10

А.В. Спичак

ХИРОТОНИЯ И ХИРОТЕСИЯ. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАЗНАЧЕНИЯ НА ДОЛЖНОСТЬ СВЯЩЕННО- И ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛЕЙ В XVIII – НАЧАЛЕ XX в. И ПРАКТИКА СТАВЛЕННОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА (НА МАТЕРИАЛАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА В Г. ТОБОЛЬСКЕ)

Исследование осуществлено в рамках исполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Конкурс МК-2018) МК-3701.2018.6.

Выполнен анализ нормативных правовых актов, регламентирующих назначение на места (к церквям) священно- и церковнослужителей в XVIII – начале XX в. Церковное делопроизводство в рассматриваемый период регламентировалось на законодательном уровне и было частью общей государственной системы работы с документами. Назначение на священно- или церковнослужительские должности являлось достаточно сложной процедурой и оформлялось значительным комплексом документов. Выявлен сопровождавший процесс назначения на должность духовных лиц пакет документов, в настоящее время хранящихся в делах о рукоположении в Государственном архиве в г. Тобольске.

Ключевые слова: Русская православная церковь; Тобольская епархия; хиротония; хиротесия; ставленническое делопроизводство.

Изданным после кончины патриарха Адриана указом от 16 декабря 1700 г., содержащим предписания об организации высшего церковного управления, открывается новый этап отношений между церковью и государством в России, который именуется историками церкви синодальным периодом (1700–1917 гг.). В этот период правительство своими нормативно-правовыми актами контролировало все стороны жизнедеятельности Русской православной церкви (далее – РПЦ), в том числе и кадровое делопроизводство, например, назначение на священно- и церковнослужительские¹ должности.

При «поставлении» (назначении на должность)² духовным лицам выдавали ставленные грамоты. Ставленная грамота – это документ, выдаваемый епископом священно- и церковнослужителю, в удостоверение действительности и правильности его рукоположения, с указанием его степени и принадлежащих ему прав.

Изученность темы исследования. В последние десятилетия весьма активно происходит изучение региональной церковной истории, в том числе исследование прошлого Тобольской епархии, являвшейся одной из крупнейших российских епархий (она включала, в частности, территорию Тобольской губернии; границы епархии и губернии совпали лишь к середине 30-х гг. XIX в., до этого Тобольская епархия охватывала земли не только Сибири, но и Урала, и Дальнего Востока).

Историография досоветского периода представлена единичными работами о рукоположении в РПЦ. Оно рассматривалось епископом Далматинским Никодимом Милашом как препятствие к браку [3]; хозяйственная сторона проблемы тогда же, в начале XX в., изучалась Л.М. Багрецовым [4].

В советский период практика рукоположения в РПЦ не становилась предметом исследования, а позднее привлекала внимание в основном ученых, интересовавшихся

историей приходов и взаимоотношениями государства и церкви, в том числе в региональном аспекте.

Признанным специалистом в области ставленнического делопроизводства в Сибири можно считать Н.Д. Зольникову [5], которая на материалах Западной Сибири детально проследила взаимоотношения духовенства и местных властей. Видная новосибирская исследовательница пришла к выводу о том, что «после поражения церкви в борьбе за материальную основу своей независимости последовала потеря самостоятельности в сословной и ставленнической политике». Государство контролировало духовное сословие, начиная с формализации получения духовного сана и заканчивая постоянными разборами «излишних» священно- и церковнослужителей [6].

М.В. Пулькин изучил вопросы формирования клира Олонецкой епархии во второй половине XVIII в.: принципы подбора церковников, эволюцию ставленнического делопроизводства, причины и обстоятельства «перемени» клириков [7]. Д.Ф. Полознев описал содержание и форму ставленных грамот Ростовской и Вологодской епархий XVI–XVII вв., а также опубликовал три из этих документов [8]. А.В. Мангилева проанализировала данные о служебных назначениях духовенства Екатеринбургского уезда за 1802–1903 гг. [9].

Одним из последних исследований, посвященных рассматриваемой теме, является диссертационная работа А.В. Матисона, который представил условия и процедуру определения на священно- и церковнослужительские должности и определил особенности прохождения приходской службы в городах Тверской епархии в XVIII в. [10].

Хотя есть несколько работ, затрагивающих вопросы поставления на духовные должности в синодальный период в различных епархиях, дела по назначению на места священно- и церковнослужителей в Тобольской

епархии с точки зрения документоведения и правоведения еще не рассматривались.

Основную документальную базу нашего исследования составляют материалы ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГАТ). Важными источниками являются материалы ставленнического делопроизводства. Они представлены прошениями кандидатов на священно- и церковно-служительские места, материалами об их рукоположении и руковождении. Эти материалы позволяют проследить, какие требования предъявлялись к кандидатам на священнические, дьяконские или причетнические места, каковы были условия и порядок получения священного сана. Особый вид источника – законодательные акты, которые имеют не только юридическое значение. В первую очередь законодательные акты центральной власти, в частности, Святейшего Правительствующего Синода (далее – Синода), опубликованные в «Полном собрании законов Российской Империи».

Законодательное закрепление посвящения в сан и «поставления» к церквям. Указ Синода от 25 апреля 1711 г. (№ 2352) утвердил «Правила на поставление по приходам священников, диаконов и дьячков», согласно которым требовалось: 1) минимальный возраст кандидатов – 25 лет для диаконов и 30 лет для священников; 2) не посвящать больше необходимой нормы; 3) если дьячки хотели занять место больного или престарелого священника, то последнего следовало вызвать в консисторию, проверить его здоровье и взять у него «сказку», подтверждающую, что иерей прекращает службу и проведение церковных треб, иначе будет наказан, а новопосвященный – уволен; 4) проверять писцовые и переписные книги, в скудные приходы не посвящать диакона и второго священника, даже если такие должности ранее были заняты; 5) не давать священникам и диаконам перехожих грамот в другие епархии; если в скудном приходе один из двух священников желает перейти в другой приход той же епархии, то в таком случае выдать ему перехожую грамоту и на его место уже никого не принимать; 6) тщательно проверять «заручные» (с подписями) челобитные на предмет подлога и наличие подписи помещика, «отписки» старосты; при отсутствии вышеперечисленного – отказывать в приеме; 7) архиереям предписать указами старостам, чтобы последние не давали отписки, прежде чем сами не увидят приход и опросят крестьян, угоден ли им дьячок, «какого он жития» и на чье место «бьет челом»; 8) к отбору ставленников подходить со всей ответственностью и строгостью, при обнаружении «неумения и коснотения» (недостатка ума и неумения читать) – отказывать; 9) архиереев, поступающих в нарушение данных правил, лишать престола [11].

Порядок определения священников при церквях на «праздные» места был определен 19 февраля 1718 г. указом Петра I. Так, следовало заранее подбирать кандидатов на места, чтобы они после смерти священников не пустовали [12].

Духовный регламент (ДР) 1721 г. (§ 8–10) установил порядок избрания священников к приходам: 1) когда прихожане или помещики, живущие в вотчинах, избирали человека в своей церкви в священники, то им следовало в доношении засвидетельствовать, что это лицо «жития доброго и неподозрительного». В случае, если помещики не жили в своих вотчинах, то такое свидетельство должно было исходить от их крестьян, которые в челобитной указывали, какое количество руги или земли назначалось священнику. Избранный кандидат также обязывался подтвердить своей подписью, что он доволен количеством руги или земли, и что от церкви, к которой он будет посвящен, не отойдет до смерти. При подозрении епископа в приверженности кандидата к расколу или сомнении, достоин ли последний священнического сана, решение оставлялось на усмотрение архиерея; 2) запрещалось принимать в духовники «волочащихся» попов [13].

Синод 23 февраля 1722 г. приказал к церквям, имеющим священнические и дьяконские места, выбирать кандидатов всем прихожанам и подавать прошение со своими подписями, что выбранные люди были «добрые и беспорочные, и грамоте умеющие, и никакого подозрения за ними раскольнического нет... жития доброго и не пьяницы». После получения прошения архиереи слушали его и свидетельствовали по правилам Святым, и, если сочтут кандидата неподозрительным, велели ставленнику изучить «книжицы о вере и законе Христианском» и перед посвящением публично проклянуть раскольническое учение с присягой, что не будет укрывать раскольников в его приходе. Посвящать кандидата в сан и определять его к церкви можно было только после описанной процедуры, под опасением немалого штрафа в случае ее несоблюдения [14].

Прибавления к ДР, утвержденные в мае 1722 г., установили правила для выбора, рукоположения и содержания священников и диаконов при церквях: 1) некоторые лица пытались попасть в священнический чин только для «большой свободы и пропитания», не имея «должного искусства своему званию», поэтому запрещалось поставлять в указанные должности тех, кто не окончил церковной школы и не выучил наизусть «книжицы о вере и законе Христианском, о должностях всех чинов»; 2) ставленник обязан был иметь свидетельство от своих прихожан о том, что его знают как «доброго человека, а именно не пьяницу... не ленивого, не клеветника, не сварлива, не любодейца, не бийцу, в воровстве и обманстве не обличенного», так как эти «злодейства препинают дело пастырское, и злообразие наносят чину духовному»; 3) в доношении от прихожан также следовало указать количество руги или земли, определенное священнику, удостоверенное подписями прихожан и ставленника о том, что он доволен этим количеством; 4) принятого ставленника отправлять в церковь только после того, как он изучит упомянутые «книжицы», следовало также «искушать его, не ханжа ли есть он, и не притворяет ли смирения,

что умному человеку нетрудно узнать; кроме того, спрашивали, не разговаривает ли сам с собой, не видит ли галлюцинаций; 5) перед «поставлением» во священство ставленник должен был проклянуть раскольническое учение и дать присягу, что он не будет укрывать раскольников в своем приходе, а также присягнуть в верности своему государю; 6) после «поставления» в священство ставленник, обучаясь в Архиерейском доме церковным служениям, обязывался взять с собой в церковь правила, если не было средств иметь печатный регламент, чтобы впредь не мог объяснять незнания своих должностных обязанностей, и перед отъездом в церковь расписаться в архиерейском приказе, что он взял упомянутые правила и будет ими руководствоваться в своей деятельности, иначе будет платить штраф. Таким образом, прибавления к ДР частично дублировали вышедшие ранее постановления [15].

Определением Синода от 10 августа 1722 г., утвержденным 19 января 1723 г. Петром I, велелось количество лиц духовного звания в московских соборах определять на местах, как и прежде, в зависимости от потребности, а в других городах в архиерейских соборах назначать по одному протопопу, два ключаря, пять священников, одному протодьякону, два псаломщика, два пономаря, в других соборах одному по протопопу, два священника, два дьякона, два дьячка, два пономаря и два сторожа, а при великоприходных церквях – по два священника, два дьячка, два пономаря. В двуприходных церквях (при двух священниках) требовалось и причетников вдвое больше, чем в одноприходных. В особо больших приходах, если два священника не могли справиться с нагрузкой, то разрешалось ставить трех священников, однако к одному приходу не разрешалось определять больше 300 дворов. В приходе с одним священником должно было числиться 100–150 дворов, где два священника – 200–250 дворов, где три – до 300 дворов. При одном священнике не могло иметься более двух дьячков и одного пономаря. Согласно указанному постановлению, в Синодальном доме должно было состоять 4 иподьякона, 10 певчих, 30 подьяков, а архиерейских домах – по 3 иподьякона, 10 певчих, канархистов, подьяконов, лампадчиков, посошников, кафедрщиков, 20 орлейщиков и 8 сторожей. Лишних певчих и подьяков требовалось перевести в приходские церкви в дьячки и пономари при желании и наличии свободных мест [16].

Указ Синода от 22 марта 1723 г. утвердил порядок производства в протопопы: 1) в большие московские соборы в Кремле не производить в протопопы без доклада и определения Синода, в прочие же соборы требовать резолюцию Синода доношением; 2) ставленников к находящимся в Москве греческим архиереям для поставления посылать по-прежнему, а последним рукополагать по реестру, а не через ряд; 3) из архиерейских епархий в Синодальную область, так и из последней в архиерейские епархии священников и дьяконов от церквей не отпускать и отпущенных не при-
нимать, кроме собственного синодального позволения;

4) на места умерших попов и дьяконов производить по ДР и утвержденным ранее указам достойных священства лиц, обучившихся в школе, не ожидая, пока дети умерших духовных лиц вступят в подходящий для занятия должностей возраст [17].

Впервые выдача священникам грамот, «свидетельствующих их», была определена указом от 16 августа 1727 г. Синод 25 января 1738 г. утвердил выдачу печатных ставленных грамот священникам и диаконам вместо прежних формуляров, «чтобы ни от кого подлога не было». Печатать грамоты предписывалось в московской типографии на «добрый» бумаге, отправлять в епархии, взяв «надлежащую цену с запиской и росписками». Однако если печатных грамот не было в наличии, разрешалось выдавать «письменные» грамоты [18].

Согласно указу Синода от 23 сентября 1742 г., следовало впредь производить ставленные дела на простой (вместо гербовой) бумаге, чтобы ставленники больше не терпели убытки. Кроме того, епархиальным архиереям вменялось в обязанность поручать ведение таких дел добросовестным людям, которым можно было доверять [19].

Количество причетников, необходимое для каждой церкви, определяли по величине приходов согласно пункту 12 Инструкции для проведения ревизии от 16 декабря 1743 г. [20].

Указ Сената от 8 марта 1744 г. велел оставить в приходских церквях дьяконов согласно указам от 10 августа 1722 и 19 января 1723 г., дабы устранить неясности из-за того, что в первом указе о дьяконах не упоминалось, а по второму ошибочно требовалось на каждого священника не более двух дьячков, а не дьяконов [21].

Указ Сената от 12 августа 1745 г. содержал выдержки из прежде утвержденных указов. Чтобы во всех епархиях не было недостатка ни в священнослужителях, ни в церковнослужителях, Синод предоставил ведение (так назывался вид документов) Сенату, чтобы последний благоизволил определить детей протопопов, священников и дьяконов и причетников вместе с их детьми переписать и без дополнительного рассмотрения высшими учреждениями впредь не определять к другим местам, перечисленным в инструкции для проведения ревизии – в подушный оклад и в службу. После ревизии именные списки генералитету велелось сообщить епархиальным архиереям, а при их отсутствии – управляющим архиерейских домов. Епархиальные начальства, списавшись с генералитетом, должны были приписать названных лиц духовного звания к тем церквям, при которых числится недобор причетников, либо на свободные священнические и дьяконские места. Такие меры пришлось принять, чтобы при недостатке причта не определять к церквям крепостных помещичьих людей и крестьян. Синод потребовал от генералитета при проведении генеральной ревизии отдельно указывать в ведомости, написанной по сказкам ревизии, служащих священно- и церковно-

служителей и тех, кто остались лишними, с обозначением населенных пунктов, церквей, возраста. Копии таких ведомостей, заверенные по листам секретарями, следовало отправить епархиальным начальствам, чтобы им была известна сложившаяся ситуация и они сделали необходимую «перестановку кадров», дабы полностью укомплектовать причтом церкви. Данный указ еще раз подтверждал положения указа от 10 августа 1722 г. определять к церквям только достойных, грамотных и неподозрительных людей. Детей духовных лиц требовалось приписывать к тем же церквям, что и их отцов. К ревизии архиереи должны были представить ведомости об обучающихся в школах детях и в ведомости по результатам ревизии указывать отдельно обучающихся и необученных детей, а также раздельно «годных» и «негодных» духовных лиц. Епархиальному начальству требовалось составить «рописание» духовных лиц по городам, уездам, церквям, а священно- и церковнослужителей – порознь по чинам, именам с их детьми. Указ велел представить ведомости о семинаристах со следующими сведениями: 1) количество детей, действительно служащих и по последнему распределению определенных к церквям, священно- и церковнослужительских детей, которые согласно инструкции для проведения ревизии и вышеуказанных постановлений оставались с их отцами; 2) количество лишних детей, которые, если не записаны в семинарии и школы, определялись в службу или в оклад; 3) количество детей, которые (или их отцы) были записаны в подушный оклад в прежнюю перепись [22].

Сенат вместе с Синодом издали указ от 23 декабря 1754 г., которым предписывалось исполнить ранее утвержденные постановления о распределении пригодных к исполнению церковной службе священно- и церковнослужителей по церквям на свободные места, причем лишних духовных лиц из одной епархии следовало перемещать в те епархии, где наблюдался недостаток таковых [23].

Указ Сената от 10 декабря 1756 г. установил правила для разбора и распределения служащих и неслужащих священно- и церковнослужителей и их детей. Так, в экстракте из протокола конференции, состоявшейся при дворе в присутствии Елизаветы Петровны от 28 августа 1756 г., зафиксирован приказ Ее Императорского Величества, чтобы при архиереях и монастырях сверх положенного для них штата никого не только при них, но и церковников и других причетников при церквях не принимать, а с уже имеющимися лишними духовными лицами поступать по прежним указам [24].

Со ставленных грамот производился сбор на архиерейский клир согласно указу Сената от 18 апреля 1765 г. [25].

Указ Синода от 15 февраля 1766 г. велел людей податного звания без увольнения из него не посвящать в духовные чины. Епархиальные архиереи должны были представить губернаторам ведомости на основании указа от 28 января 1723 г. о посвященных положенных

в оклад лицам с указанием даты пострижения в монашество и чина при посвящении в священно- или церковнослужители, а затем составленные по тем ведомостям перечневые ведомости отправить в Синод [26]. Церковный «разбор» был приостановлен указом Сената от 2 апреля 1767 г. вследствие указа Екатерины II от 17 февраля 1766 г. [27].

В указе Сената от 20 января 1769 г. содержатся данные о том, что только две сибирские епархии (скорее всего, имеются в виду Тобольская и Иркутская) не предоставили ведомости о разборе священно- и церковнослужителей и их детей. По причине ошибок и неточностей в ведомостях остальных епархий Сенат требовал еще раз составить духовным правлениям и консисториям такие ведомости, но на этот раз более подробные, с указанием точного возраста всех духовных лиц, их умения читать и писать, и предать их через провинциальные и воеводские канцелярии в Сенат. Губернаторам велелось набрать из детей духовного звания от 15 до 40 лет четвертую часть для военной службы, а безместных дьячков, пономарей и сторожей, наказанных за повинности, детей престарелых или находящихся под следствием духовных лиц и необученных грамоте детей от 15 до 40 лет – половину, при этом здоровых и выше 2 аршин [28].

Указ Синода от 28 августа 1774 г. подтвердил прежние постановления о распределении церковников [29]. Указ Синода от 8 октября 1778 г. требовал, как и ранее, чтобы в церквях не держали причта больше законодательно установленной нормы. Данный указ утвердил правила укомплектования церквей, кроме соборов и штатных церквей, о которых были прежде сделаны точные предписания: 1) при одноприходных церквях с количеством приходских дворов менее 150 требуется определять одного священника; 2) до 200 дворов в близлежащей местности и в одном селе – одного священника, если прихожане не просят второго, а если в таких приходах было два священника и если будет подтверждена такая необходимость, в том числе и от населения, оставлять обоих; 3) в приходах от 250 до 300 дворов ставить 2 священника; 4) если при 300 дворах и более издревле было 3 священника, а 2 справиться не смогут, то оставить 3; 5) распределение дьяконов при городских и уездных церквях осуществлялось на основании указов от 10 августа 1722 и 4 (20) июня 1768 г.; 6) даже если прихожане будут просить на места престарелых и больных членов причта поставить новое духовное лицо, консистории должны были проверять их возраст и здоровье и при подтверждении их плохого состояния забирать их ставленные грамоты и хранить при их делах согласно указам Синода 1732 г., чтобы они не исправляли мирские требы, литургии, только если с архиерейского благословения, и брать с таких клириков об этом подписки [30].

На протяжении XVIII в. резко уменьшается влияние прихожан на жизнь их храма. В начале века прихожане, как и прежде, сами подбирали кандидата на

должность священника. Но вскоре господствующим становится наследственный принцип: дети служителей церкви по мере взросления занимают их места. С 1780-х гг. практика наследования нередко заменяется практикой назначения членов причта епископом [31. С. 254].

Кандидат на должность священно- или церковнослужителя, даже если был одобрен прихожанами, обязывался по указу от 24 июня 1797 г. иметь свидетельство о честном поведении от духовного правления и благочинного. Согласно ДР, от прихожан и помещиков требовалось при избрании в священники подать епархиальным архиереям подписанное ими доношение о добропорядочном поведении избираемого. Духовным правлениям разрешалось указом от 4 мая 1797 г. принимать прошения, подписанные только одним кандидатом, чтобы не возникало затруднений, с приложением одобрений от прихожан. Синод разработал образец одобрений и прошения о назначении на должность, и его копии, напечатанные типографией Синода, разослали в духовные правления для объявления кандидатам, «чтобы везде единообразно были писаны» [32].

Очередной указ Сената от 11 апреля 1784 г. о «разборе» священно- и церковнослужителей и их детей велел: 1) всех штатных и положенных по прежним ревизиям в подушный оклад при увольнении, которых по ведомости оказалось 84 131 человек, оставить при действительном служении; 2) лишних духовных лиц (94 481) распределить на свободные места, во-первых, 1 548 человек, которые, хотя и находятся при действительном служении, но сверх штата числятся, следя за тем, чтобы нигде не имелось заштатных духовных лиц, определить 9 784 человека из детей тех священно- и церковнослужителей, действительно служащих, старше 51 года, которые по усмотрению архиерея будут достойными; 3) для производства на освободившихся в будущем места из-за смерти или по другим причинам выбытия причта оставить 11 329 человек, обучающихся в семинариях и школах, независимо от того, дети они действительно служащих или нет, или тех, кто перешел в духовное звание из положенных в подушный оклад, а также детей служащих священно- и церковнослужителей младше 15 лет, которые еще не учатся в семинариях в силу своего малолетства; 4) вступивших в церковный причт, но не посвященных в священники или диаконы и не выключенных из подушного оклада, и их детей требовалось возратить на прежние места служения и, следовательно, в подушный оклад; 5) епархиальным архиереям было необходимо подать в Казенные палаты списки с указанием возраста, согласно с поданными ревизскими сказками, как об определенных для будущего комплектования церквей из семинаристов и малолетних детей, оставшихся при отцах, назначенных по наместникам в канцелярские служители семинаристов, так и о лишних, распределенных по их желанию в различные места. В указанные списки требовалось включить умерших и «убылых» после ревизии в другие места с точным указанием, кто, когда или

куда и в какое звание выбыл, следя за тем, чтобы данные были достоверными. Казенные палаты после получения от всех «лишних» (оставшихся за штатом) церковников ведомостей о желаемом состоянии обязывались представить Сенату перечневые ведомости отдельно по каждому званию со своими примечаниями [33].

Еще один указ, уже Синода, о «разборе» от 16 апреля 1784 г. содержал правила согласно требованиям предыдущих узаконений [34]. Указ Синода от 18 ноября 1793 г. установил преимущественное определение на вакансии в Синод и другие «духовные правительств» обучающихся в семинариях и академиях детей духовного звания, умеющих писать «исправно» и способных к этим должностям [35]. Если в одной из епархий во время ревизии обнаруживалось несоответствие требованиям законодательства (например, при изменении границ епархии и, следовательно, приходов), то Синод, как бывало и вследствие доношений епархиальных архиереев, издавал указ, в котором разъяснял, как епархиальному начальству впредь необходимо поступать, и для сведения рассылал постановление во все остальные епархии (порядок распределения священно- и церковнослужителей к приходам в Белгородской епархии был утвержден указом Синода от 16 марта 1795 г. [36]).

От кандидата на должность, даже если он получил одобрение прихожан, требовалось (по указу от 24 июня 1797 г.) иметь свидетельство о честном поведении от духовного правления и благочинного. Согласно ДР, прихожане и помещики обязаны были при избрании в священники подать епархиальным архиереям подписанное ими доношение о добропорядочном поведении избираемого. Духовным правлениям разрешалось указом от 4 мая 1797 г. принимать прошения, подписанные только одним кандидатом, чтобы не было затруднений с представлением одобрений от прихожан. Синод разработал образец одобрений и прошения о назначении на должность; его копии, напечатанные типографией Синода, разослали в духовные правления для объявления кандидатам, «чтобы везде единообразно были писаны» [37].

В начале XIX в. в 33 епархиях (кроме Минской, Подольской и Волынской-Житомирской) не хватало 5 046 священнослужителей, а причетников – 10 152, обучающихся в училищах детей – 24 167, обученных грамоте, живущих с отцами младше 15 лет – 11 379, необученных – 49 460, грамотных старше 15 лет – 2 202, неграмотных – 1 166, уволенных из-за старости или болезней и находящихся на содержании у родственников священников – 2 662, причетников – 2 312. 20 ноября 1806 г. был утвержден доклад об очередном «разборе», согласно которому требовалось в недостающее число штатных и указных священно- и церковнослужителей набрать обучающихся в духовных училищах и тех духовных лиц, которые после упразднения церквей или причта по каким-либо обстоятельствам не поступили еще на другие места, а также уволенных от

должностей, которые беспорочного поведения и решат еще продолжить служение [38].

Синод указал дела просителей о ставленниках и о построении церквей производить с 1742 г. на простой бумаге. В подтверждение этого был послан указ Сената от 31 января 1807 г. всем губернским правлениям, министрам и государственному казначею [39].

Синод с особенным усердием следил, чтобы церкви комплектовались только добропорядочными и нравственными духовными лицами, и приказал 22 декабря 1823 г. епархиальным архиереям при избрании и рукоположении обращать внимание на возраст и проверять поведение и образ мыслей кандидатов «всеми возможными способами» [40].

В 1864 г. по представлению митрополита Московского Филарета (Дроздова) и с разрешения Синода были внесены изменения в некоторые выражения в ставленной грамоте священника. Определением Синода 1–8 апреля 1897 г. был установлен порядок выдачи ставленных грамот лицам, рукоположенным архиереем другой епархии. Для этого (а также на случай совершения рукоположения викарным епископом) вносились изменения в печатный бланк ставленной грамоты, образец которого разослали в епархии.

22 мая 1867 г. император утвердил мнение Государственного совета о замещении священно- и церковнослужительских вакансий. Согласно правилам, установленным в 1823 г.: 1) преимущества в приеме имели родственники престарелых, больных и умерших духовных лиц, взявшие на себя обязательство содержать их, вместе с семьями, или посторонние, согласные выплачивать названным духовным лицам «некоторое пособие»; 2) предоставление сиротам мужского пола, обучающимся в училищах, части доходов свободных дьяконских и причетнических мест, которые не замещали некоторое время специально для этой цели; 3) определение «не молодых» вдов и сирот женского пола в просфирни при церквях с выплатой суммы денег, равной половине доходов причетника или на особое добровольное подаяние от прихожан. Эти правила еще при их обнародовании были признаны неудобными, их разрешалось применять только по мере возможности без нанесения вреда управлению епархией. Опыт применения этих правил выявил следующие неудобства: 1) затруднения для епархиальных архиереев, обязанных предпочитать при поставлении «достоинству родство»; 2) вакантные места, зачисленные за священно- и церковнослужительскими дочерьми, оставались из-за их несовершеннолетия не занятыми; 3) и без того скудно обеспеченным причтам приходилось делиться с принятыми на их содержание лицами; 4) обременение учреждений православного духовного ведомства множеством дел, возникающих от несоблюдения (нередко невольного) членами причтов неудобных в исполнении условий и из-за укоренившегося вследствие этого убеждения в среде духовенства о наследовании мест по праву родства. Синод признал эти правила несовмести-

мыми как с каноническими постановлениями, так и с достоинством церковного управления. Государственный совет признал необходимым отменить правила 1823 г.: при увольнении или смерти духовного лица в выборе кандидата не применять правило родства; не допускать открытия новых вакансий сверх нужд приходов, а определять на места для призрения осиротевших духовных семейств. Однако некоторые положения постановления 1823 г. по призрению остались актуальными согласно циркулярному указу Синода от 26 июня 1867 г. (№ 30): 1) принятие сирот на казенное содержание в училища; 2) определение сирот и вдов женского пола в просфирни [41. С. 16–18].

Указ от 22 февраля 1867 г. упразднил обычай передачи приходских церковных должностей по наследству. В 1869 г. было определено, что духовное звание не переходит автоматически от отцов к детям. Из духовного звания отчислялись церковные сторожа, пономари и другие церковнослужители [31. С. 257].

Во вторую половину XIX столетия перешла оформившаяся традиция передачи мест в приходах по наследству как по мужской, так и по женской линиям. В 1867 г. закрепление освободившихся мест за родственниками умерших священно- и церковнослужителей было отменено [42. С. 69]. Таким образом, в XVIII – начале XX в. назначение на места священно- и церковнослужителей законодательно регламентировалось указами Сената и Синода. Издавались многочисленные нормативные правовые акты, закрепляющие правила хиротонии, хиротесии и ставленного делопроизводства. Издание большинства постановлений приходится на XVIII – начало XIX в., позже, до начала XX в. практически не появлялось новых законов и продолжали действовать ранее утвержденные распоряжения.

Практика ставленного делопроизводства в Тобольской епархии. К настоящему времени сохранились лишь единицы дел, хранящих ставленные грамоты Тобольской епархии XVIII – первой четверти XX в., а также сведения об условиях их выдачи. Данный вид документов можно признать редким. В ГБУТО ГАТ были обнаружены следующие дела: ставленные грамоты за 1850–1905 гг. [43. Л. 1–29]; реестр священно- и церковнослужителей, которым даны ставленные грамоты в 1795 г. [44. Л. 1–4]; дело по рапорту благочинного тобольских городских церквей иерея Михаила Арефьева о взыскании со священно- и церковнослужителей денег за ставленные грамоты (1806 г.) [45. Л. 1–3]; дело по рапорту казначея Тобольского архиерейского дома Ефима Мамина о взыскании со священно- и церковнослужителей пошлин за ставленные грамоты 1805–1806 гг. [46. Л. 1–28]; дело по сообщению Московской Синодальной типографской конторы о получении денег за посланные в Тобольскую духовную консисторию ставленные грамоты (1824 г.) [47. Л. 1–3].

Переписка березовского благочинного с причтами церквей по поводу назначения на должность отложилась также в деле «Переписка с церковнослужителями

и церковными Советами о сборе добровольных пожертвований, о назначении на должности, о состоянии церкви и др.» за 1929–1930 гг. [48. Л. 68].

В фондах № 156 «Тобольская духовная консистория» и № 57 «Канцелярия Епископа Тобольского и Сибирского» ГБУТО ГАТ содержится также 53 дела по прошениям лиц о рукоположении и руковозложении в различные духовные должности (священника, дьякона, псаломщика, пономаря) за 1753, 1802, 1805, 1824 и 1921–1923 гг.

Эти материалы позволяют судить о составе комплекса документов, сопровождавших процесс назначения на должность духовных лиц. Как видно из дел о «поставлении», основными из них являлись прошение кандидата на «поставление» (инициирующий документ дела), допрос и присяга. Дополнительными документами в деле могли являться: удостоверение благочиннического совета или благочинного, удостоверение волостного исполнительного комитета, акт сельского старосты, выписка из метрической книги о бракосочетавшихся (для состоявших в браке), свидетельство об исполнении обязанностей священника и послужные списки с бывшего места службы (при переводе), удостоверение членов причта с нового места службы (о согласии на назначение нового члена причта), справка об отсутствии препятствий волостного военного отдела, копия брачного обыска, письмо-уведомление благочинного причту о решении епархиального начальства, письмо-требование благочинного причту доставить сведения о поведении вновь избранного, рапорт кандидата архиепископу о согласии сдать экзамены, акт экзаменационной комиссии, сопроводительное письмо от председателя Епархиального Совета архиепископу Тобольской епархии, рапорт епископа викария архиепископу, прошение прихожан поселка епи-

скопу викарию, акт пресвитерской совещательной комиссии. Все изученные дела разнились по количеству и видам документов, их набор зависел от должности и условий приема.

Авторами прошений могли быть кандидаты на замещение того или иного приходского места, прихожане (назначение на должность скончавшегося, престарелого или перемещенного священно- или церковно-служителя), члены клира (в бесприходных храмах, например, в соборе), родственники претендентов (в особых обстоятельствах, например, родители малолетних детей).

На обороте последнего (второго) листа допроса фиксировалась выдача ставленной грамоты и ее номер. Как видно из содержания дел о рукоположении, ставленные грамоты хранились отдельно. Рассмотренные ставленные грамоты отличаются по форме, но близки по содержанию. В конце XIX в. уже часто использовались печатные типографские формы документов.

Ставленные грамоты могут служить дополнительным источником по исторической географии, так как в них встречаются упоминания населенных пунктов и храмов, они важны и для изучения вопроса о границах епархий. Дела о рукоположении XVIII–XX вв. позволяют проследить трансформацию требований к кандидатам на духовные должности, эволюцию формуляров документов, сопровождающих процесс назначения на должность, этапы развития ставленнического делопроизводства. Данная документация важна для генеалогических, документоведческих изысканий и исследований по исторической географии, подобно другим церковным документам, которые хранят память о судьбах отдельных людей, семей, приходов, епархий, стране в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Священнослужители – служители религиозного культа, возведенные в духовный сан. Церковнослужители – лица, принимающие участие в общественном богослужении: чтецы, певчие, канонархи, алтарники и др. Священно- и церковнослужители проходили посвящение [1. С. 301].

² Посвящение – в христианстве возведение лица посредством установленного таинства или церковного обряда в ту или иную степень священства, духовного служения. В церковнослужители посвящение совершается через руковозложение (хиротесия), в степень священства – через рукоположение (хиротония) [2. С. 443].

ЛИТЕРАТУРА

1. Православная энциклопедия / сост. Е.Л. Исаева. М.: РИПОЛ Классик, 2010. 318 с.
2. Богомолов А.И. Религии мира. Новейший словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2005. 667 с.
3. Милаш Н.Т. (Никодим) Рукоположение как препятствие к браку: Канон. труд Никодима Милаша, епископа Далматинского. СПб.: тип. М. Меркушева, 1907. 48 с.
4. Багрецов Л.М. К вопросу о пошлинах при рукоположении и канонической подати. Гродна: Губ. тип., 1901. 36 с.
5. Зольникова Н.Д. Ставленнические дела как источник по социальным проблемам XVIII в. (по материалам Тобольской епархии) // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 14–40.
6. Зольникова Н.Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск, 1981. 183 с.
7. Пулькин М.В. Сельские приходы Олонецкой епархии во второй половине XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. 19 с.
8. Полознев Д.Ф. Благословенные и ставленные грамоты Ростовской и Вологодской епархий XVI–XVII веков: (из фондов Отдела письменных источников Гос. ист. музея) // Сообщения Ростовского музея. Вып. VIII. Ростов, 1995. URL: <http://www.rostmuseum.ru/Publications/Publication/717> (дата обращения: 29.09.2016).
9. Мангилева А.В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015. 46 с.
10. Матисон А.В. Городское духовенство России XVIII в.: историко-генеалогическое исследование по материалам Тверской епархии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015. 41 с.
11. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собр. 1. СПб., 1830. Т. IV, № 2352. С. 668.

12. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. V, № 3171. С. 545–546.
13. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. VI, № 3718. С. 314–346.
14. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. VI, № 3911. С. 512–513.
15. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. VI, № 4022. С. 699–700.
16. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XI, № 4072. С. 964–977.
17. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. VII, № 4190. С. 40–43.
18. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. X, № 7492. С. 391–392.
19. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XI, № 8622. С. 664.
20. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XI, № 8836. С. 964–977.
21. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XII, № 8890. С. 38–39.
22. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XII, № 9198. С. 433–440.
23. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XIV, № 10342. С. 279–284.
24. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XIV, № 10665. С. 688–693.
25. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XVII, № 12379. С. 117–118.
26. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XVII, № 12573. С. 583–585.
27. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XVIII, № 12861. С. 72–73.
28. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XVIII, № 13236. С. 805–808.
29. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XIX, № 14182. С. 1008–1010.
30. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XX, № 14807. С. 752–753.
31. Дулов А.В. Взаимоотношения светских и духовных властей в Восточной Сибири в XVII – начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2009. №. 1 (3). С. 251–260.
32. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXIV, № 18016. С. 635–636.
33. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXII, № 15978. С. 95–97.
34. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXII, № 15981. С. 98–105.
35. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXIII, № 17161. С. 470–471.
36. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXIII, № 17309. С. 654–656.
37. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXIV, № 18016. С. 635–636.
38. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXIX, № 22362. С. 870–872.
39. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXIX, № 22442. С. 1001.
40. ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XVIII, № 29711. С. 1337–1341.
41. Завьялов А.А. Циркулярные указы Святейшего правительствующего синода 1867–1900 гг. 2-е изд, доп. СПб. : Изд-е книгопродавца И.Л. Тузова, 1901. 448 с.
42. Конюченко А.И. Между долгом и поиском лучшей доли (Служебные переходы православного приходского духовенства России во второй половине XIX – начале XX века) // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2005. Вып. 1, т. 1. С. 69–84.
43. ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГАТ). Ф. 156. Оп. 18. Д. 1262.
44. ГБУТО ГАТ. Оп. 4. Д. 1875.
45. ГБУТО ГАТ. Оп. 6. Д. 507.
46. ГБУТО ГАТ. Д. 608.
47. ГБУТО ГАТ. Оп. 10. Д. 246.
48. ГБУТО ГАТ. Ф. 708. Оп. 1. Д. 14.

Aleksandra V. Spichak. Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russia). E-mail: spichak-89@mail.ru

THE CONSECRATION AND CHIROTESIA. LEGISLATIVE REGULATION OF THE APPOINTMENT OF SACRED- AND CLERGYMEN IN THE XVIII – EARLY XX CENTURIES AND THE PRACTICE OF REPRESENTATION IN THE OFFICE (ON THE MATERIALS OF THE STATE ARCHIVE IN TOBOLSK)

Key words: Russian Orthodox Church, Tobolsk diocese, consecration, chirotesia, “stavlenny” paperwork.

The choice was based on the fact that a fundamental change in cultural, political and economic situation in our country, the transformation of social relations and social consciousness at the turn of XX–XXI centuries brought the problem of preservation, use and protection of objects of cultural heritage. And documents of the Russian Orthodox Church is recognized as one of these objects. In this regard, the relevant is the study of information features of documents of the Russian Orthodox Church, including documentation of parish churches, which are a valuable historical source not only about the Church but about the state as a whole. The aim of the study is the analysis of normative legal acts, regulating the appointment to places (churches and Church agencies) of sacred- and clergymen in the XVIII – early XX centuries, as well as the identification of a package of documents accompanying the process of appointment of the clergy. Main documentary basis of our study constitute the materials of the State archive in Tobolsk. Important sources are the materials of Certification office. They presented petitions of candidates for the sacred- or clergy places, materials about their ordination and laying on of hands. These materials allow us to trace what requirements for the candidates for the priest, deacon or Church readers place, what were the conditions and procedure for receiving Holy orders. A special kind of source – legislative acts, which have not only legal value, primarily legislative acts of the Central government, in particular, the Holy governing Synod, and published “Complete collection of laws of Russian Empire”. During the reign of the Holy Synod (1700–1917) the government by its legal and normative acts controlled all aspects of life of the Russian Orthodox Church, including the appointment of clergymen. In the XVIII – early XX centuries the appointment of sacred- and clergymen was regulated by decrees of the Senate and Synod. A large number of normative legal acts stipulated rules of ordination and laying on of hands. Publishing of most decisions falls on the XVIII – beginning of XIX centuries later, to the beginning of XX centuries almost did not appear in the new laws and continued to operate previously approved orders. The appointment of alergyman to the sacred office was quite a complicated procedure and executed a significant set of documents. As it could be seen from cases of “ordination”, the main document was a candidate’s petition for the “ordination” (the document initiating the case), the interview and the oath. This documentation is important for genealogy, documental research and researches on historical geography, like other Church documents, which preserve the memory of the lives of individuals, families, parishes, dioceses and people, the country as a whole.

REFERENCES

1. Isaeva, E.L. (2010) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Moscow: RIPOL Klassik.
2. Bogomolov, A.I. (2005) *Religii mira. Noveyshiye slovar'* [World Religion. The Latest Dictionary]. Rostov on the Don: Feniks.

3. Milash, N.T. (Nikodim) (1907) *Rukopozlozhenie kak prepyatstvie k braku: Kanon. trud Nikodima Milasha, episkopa Dalmatinskogo* [Ordination as an obstacle to marriage: a canon work of Nicodemus Milashev, Bishop of Dalmatia]. St. Petersburg: M. Merkushev.
4. Bagretsov, L.M. (1901) *K voprosu o poshlinakh pri rukopozlozhenii i kanonicheskoy podatki* [On fees for the ordination and canonical taxes]. Grodna: Gub. tip.
5. Zolnikova, N.D. (1977) Stavlenicheskie dela kak istochnik po sotsial'nym problemam XVIII v. (po materialam Tobol'skoy eparkhii) [The ordinand affairs as a source on social problems in the 18th century (a case study of the Tobolsk Diocese)]. In: Pokrovsky, N.N. & Romodanovskaya, E.K. (eds) *Istochnikovedenie i arkhografija Sibiri* [Sources and Archeography of Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 14–40.
6. Zolnikova, N.D. (1981) *Soslovnye problemy vo vzaimootnosheniyakh tserkvi i gosudarstva v Sibiri (XVIII v.)* [Estate problems between the church and state in Siberia (the 18th century)]. Novosibirsk: Nauka.
7. Pulkin, M.V. (1995) *Sel'skie prikhody Olonetskoy eparkhii vo vtoroy polovine XVIII v.* [The rural parishes of the Olonets Diocese in the second half of the 18th century]. Abstract of History Cand. Diss. St. Petersburg.
8. Poloznev, D.F. (1995) *Blagoslovennye i stavlenye gramoty Rostovskoy i Vologodskoy eparkhiy XVI–XVII vekov: (iz fondov Otdela pis'mennykh istochnikov Gos. ist. muzeya)* [Blessed Certificates of Ordination of the Rostov and Vologda Dioceses of the 16th – 17th centuries (From the funds of the Department of Written Sources of the State Historical Museum)]. *Soobshcheniya Rostovskogo muzeya*. VIII. [Online] Available from: <http://www.rostmuseum.ru/Publications/Publication/717> (Accessed: 29th September 2016)
9. Mangileva, A.V. (2015) *Sotsiokul'turnyy oblik prikhodskogo dukhovenstva Permskoy gubernii v XIX – nachale XX v.* [Sociocultural image of the parish clergy in Perm Province in the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Dr. Diss. Ekaterinburg.
10. Matison, A.V. (2015) *Gorodskoe dukhovenstvo Rossii XVIII v.: istoriko-genealogicheskoe issledovanie po materialam Tverskoy eparkhii* [Russia urban clergy in the 18th century: A historical and genealogical study based on the materials of the Tver diocese]. Abstract of History Dr. Diss. Ekaterinburg.
11. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. IV. № 2352. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 668.
12. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. V. № 3171. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 545–546.
13. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. VI. № 3718. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 314–346.
14. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. VI. № 3911. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 512–513.
15. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. VI. № 4022. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 699–700.
16. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XI. № 4072. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 964–977.
17. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. VII. № 4190. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 40–43.
18. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. X. № 7492. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 391–392.
19. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XI. № 8622. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 664.
20. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XI. № 8836. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 964–977.
21. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XII. № 8890. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 38–39.
22. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XII. № 9198. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 433–440.
23. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XIV. № 10342. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 279–284.
24. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XIV. № 10665. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 688–693.
25. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XVII. № 12379. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 117–118.
26. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XVII. № 12573. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 583–585.
27. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XVIII. № 12861. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 72–73.
28. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XVIII. № 13236. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 805–808.
29. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XIX. № 14182. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 1008–1010.
30. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XX. № 14807. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 752–753.
31. Dulov, A.V. (2009) Interrelations between secular and church administration of the East Siberia in the 17th– early 20th century. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Religiovedenie" – The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religion Studies"*. 1(3). pp. 251–260. (In Russian).
32. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XXIV. № 18016. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 635–636.
33. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XXII. № 15978. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 95–97.
34. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XXII. № 15981. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 98–105.
35. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XXIII. № 17161. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 470–471.
36. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XXIII. № 17309. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 654–656.
37. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XXIV. № 18016. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 635–636.
38. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XXIX. № 22362. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 870–872.
39. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XXIX. № 22442. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 1001.
40. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI)*. (1830) Coll. 1. Vol. XVIII. № 29711. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 1337–1341.
41. Zavyalov, A.A. (1901) *Tsirkulyarnye ukazy Svyateyshego pravitel'stvuyushchego sinoda 1867 – 1900 gg.* [Circular decrees of the Most Holy Governing Synod of 1867 – 1900]. 2nd ed. St. Petersburg: I.L. Tuzov.
42. Konyuchenko, A.I. (2005) *Mezhdru dolgom i poiskom luchshey doli (Sluzhebnye perekhody pravoslavnogo prikhodskogo dukhovenstva Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka)* [Between duty and search for a better share (Official transitions of the Russian Orthodox parish clergy in the second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta*. 1(1). pp. 69–84.
43. The State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund 156. List 18. File 1262.
44. The State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). List 4. File 1875.
45. The State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). List 6. File 507.
46. The State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). File 608.
47. The State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). List 10. File 246.
48. The State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund 708. List 1. File 14.